

**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ)

ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, тел.: +7 (343) 375-45-07
контакт-центр: +7 (343) 375-44-44, 8-800-100-50-44 (звонок бесплатный)
e-mail: rector@urfu.ru, www.urfu.ru
ОКПО 02069208, ОГРН 1026604939855, ИНН/КПП 6660003190/667001001

25.01.2024 № 01.09-04/38
На № _____ от _____

«УТВЕРЖДАЮ»
Проректор по науке

Германенко А. В.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

на диссертацию *Гицевича Евгения Сергеевича*

«Институционализация антиковедения в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Изучение истории российского антиковедения в настоящее время развивается весьма плодотворно. В фокусе современных исследований находятся история складывания и функционирования отечественных научных школ и организаций, особенности «диссертационной культуры», деятельность отдельных выдающихся ученых-антиковедов. Несмотря на значительное внимание исследователей к развитию данного научного направления, его институциональная история изучена крайне неравномерно. Если его организационная структура в советский период активно разрабатывается современными историками (работы С. Г. Карпюка, С. Б. Криха, О. В. Метель, А. С. Скворцова и др.), то процесс институализации этого направления в дореволюционный период долгое время оставался слабо изученным. Диссертация Е. С. Гицевича как раз и посвящена этой малоисследованной проблеме. Выбор темы диссертационного исследования и определяет его несомненную научную актуальность и новизну.

Кроме того, в связи с настойчивым внедрением наукометрии в современные гуманитарные изыскания намного актуальнее, нежели раньше, выглядят проблемы организационных начал науки, отвечающих актуальным потребностям общества. Представленная диссертация – отличная иллюстрация институциональной и личностно-персональной драмы такой отрасли российской гуманитаристики рубежа XIX–XX вв. как антиковедение, отрасли, далеко не приоритетной в глазах тогдашних властей, несмотря на то что латынь и греческий язык преподавались во всех гимназиях. Соглашаясь с Э. Д. Фроловым об «эталонности» исследований рубежа XIX–XX вв. для последующих поколений российских антиковедов, Е. С. Гицевич справедливо полагает, что взгляд на антиковедение рубежа веков «через институциональную призму позволит нам по-новому увидеть его эволюцию, с разных сторон оценить степень развитости на определенных исторических этапах, под иным углом рассмотреть вопросы, казавшиеся ранее решенными» (С. 4).

В дополнение к констатируемой Е. С. Гицевичем актуальности предпринятого исследования отметим еще два аспекта значения как самой темы, так и результата ее реализации. Во-первых, автором диссертации была введена в научный оборот новая система документального (во многом хотя и известного) материала, позволяющая оценить уровень развития и качество российского антиковедения рубежа XIX–XX вв. в сравнении с предыдущими и последующими, до середины 50-х гг. XX в., периодами. Этот анализ дает возможность сопоставить ситуацию в антиковедении с историей многих других областей российской гуманитаристики. Во-вторых, в диссертации успешно соединены разные современные подходы – подходы политико-институциональной антропологии и социальной микроистории (особенно на примерах отдельных персон, начиная с М. С. Куторги и заканчивая С. А. Жебелёвым).

Исчерпывающих историографических обзоров конкретной исследовательской темы, как известно, не бывает. Однако в работе Е. С. Гицевича мы видим пример подобного обзора – это касается прежде всего характеристики отечественных исследований по заявленной проблеме. Можно лишь посетовать на некоторые частные лакуны, например, на отсутствие внимания к анализу Л. В. Александровой генезиса российского антиковедения в XVIII в., к общим работам по дореволюционной отечественной историографии (труды Н. Н. Алеврас, В. П. Корзун, Г. П. Мягкова) или к зарубежным публикациям современных российских специалистов (например, А. В. Подосинова о российских переводах XIX в. античной поэзии, Л. А. Сыченковой о казанском периоде жизни

В. К. Мальмберга и т.д.), но это детали, не влияющие на общую позитивную оценку историографического анализа, приведенного в диссертационном исследовании. К сожалению, диссертант не проявил внимания к работам зарубежных коллег, затрагивавших данную тему. В компендиуме Ш. Даранбера и Э. Сальо, многотомнике Паули-Виссова и т. п. можно найти много оценок результатов конкретных археологических и филологических исследований российских ученых XIX – начала XX вв. Однако оговоримся, что и это принципиально не влияет на суть и результаты исследования Е. С. Гицевича.

Не будем детально останавливаться на структуре диссертации – она полностью соответствует канонам дескриптивного метода исследования развития организационных форм познания античной цивилизации, порожденных возможностями тогдашней Российской империи, – от домашних семинаров (традиция, восходящая в России к временам И. И. Бецкого и Н. И. Новикова) до соответствующих ячеек Академии наук. Структура диссертации строго соответствует формулировкам поставленных автором задач (С. 18–19). Особо отметим четкую постановку самих исследовательских задач, вытекающих из состояния историографии проблемы.

Также обратим внимание на краткую, но содержательно корректную классификацию использованных в диссертации разнородных источников, которые (особенно архивные) способны дать много больше, нежели позволил нормативный объем диссертации (последнее, кстати, Е. С. Гицевич прекрасно сознает). В этой связи попутно заметим, что именно архивные материалы соответствующих ведомств и присутствий способны осветить зигзаги и противоречия финансирования антиковедческих штудий гораздо глубже и шире, чем этого требовали задачи диссертации. В этом направлении видится перспектива продолжения исследования заявленной темы, особенно в сравнении с финансированием иных гуманитарных отраслей.

Диссертация в целом выполнена на высоком научном уровне. Работа отличается самостоятельностью, логичностью и аргументированностью изложения. Основные положения, выносимые на защиту, сформулированы четко и действительно содержат главные итоги исследования. Е. С. Гицевич приходит к заключению, что институционализация антиковедения в дореволюционной России конца XIX – начала XX вв. происходила в нескольких направлениях: формировалась система высшего образования и подготовки высших научно-педагогических кадров специалистов по Античности и классической филологии, которая, помимо официальных институтов, включала в себя и неформальный институт домашних семинаров; возникали государственные и частные специализированные научные издания,

отражавшие на своих страницах научные достижения и обеспечивавшие коммуникацию внутри сообщества; создавались научные общества, объединявшие в своих рядах выдающихся антиковедов и мобилизовавшие ученых для реализации масштабных научных проектов; возникали археологические общества, внесшие весомый вклад в дело сбора, сохранения и изучения памятников Античности; российские специалисты принимали активное участие в международных конгрессах, которые являлись одной из наиболее продуктивных форм институционализации мировой исторической науки.

То, что представленная на защиту диссертация является значительным вкладом в решение поставленной проблемы, свидетельствует и перспективность применения в дальнейшей работе собранного богатейшего материала и полученных в ходе исследования результатов. В будущем можно расширить анализ направлений внимания властей и академического сообщества к разным гуманитарным секторам российской науки. Например, явно несоизмеримы были оценки важности для тогдашней России антиковедения и ориенталистики, в том числе в связи с актуальностью проблемы Манчжурии, Афганистана, Ирана. «Греческий вопрос», вопрос проливов обуславливал в большей степени внимание к византиноведению, с чем связан феномен Ф. И. Успенского и Русского археологического института в Константинополе. В этом отношении византистика отчасти оказывалась локомотивом, влекущим за собой антиковедение. В этом видится одна из причин отсутствия в российском дореволюционном антиковедении таких авторитетов, какими стали в ориенталистике В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, И. Ю. Крачковский и др.

В свете подобного компаративного анализа представляется перспективным продолжение исследований Е. С. Гицевича привлекательности для российских антиковедов командировок в научные центры Германии, Италии и и. д. (С. 91 и след.). В этой связи стоит учитывать, что если в России (как неоднократно отмечает Е. С. Гицевич) национальное антиковедение завершает свое оформление именно к концу XIX – началу XX в., то, например, в Германии подобный процесс происходил в первой трети XIX в. Но даже тогда российское антиковедение не выдвинуло фигур, по плодотворности сравнимых с Б. Г. Нибуром, Т. Моммзеном и др. Количество центров академического антиковедения в Германии, Франции, Италии, объемы и формы их финансирования были несопоставимы с соответствующими российскими реалиями, хотя потенциал (зачастую нереализованный) у наших ученых был сравним с европейским (в последнем Е. С. Гицевич также абсолютно прав). Полагаем, что сравнительный анализ представленного в

диссертации российского материала с немецким, итальянским и т. д. при дальнейшем развитии заявленной темы способен дать впечатляющие результаты.

Как и любое оригинальное исследование, диссертация Е. С. Гицевича побуждает читателя к дискуссии по некоторым вопросам. Один из весьма важных, но, думается, весьма спорных тезисов диссертации касается отрицательной оценки неразделенности (или слабой разделенности) в антиковедческих работах рубежа XIX–XX вв. филологического и «чисто» исторического начала. Антиковедение сравнительно недавно вновь повернулось лицом к взаимодополнению филологических и исторических методов анализа источников (безусловно, на совсем ином уровне). Междисциплинарные подходы (хотя и термина такого не было), применяемые Н. П. Кондаковым, С. А. Жебелевым и прочими, могут дать фору многим антиковедам даже начала XXI в.

Можно сделать определенные замечания к приложениям, помещенным в конце диссертации. В идеале, такого рода таблицы призваны не просто иллюстрировать отраженные в исследовании процессы, структуры и т. п., но и сами показывать известные тренды и динамичные явления. Но в Приложении 14 («Академики антиковеды») «уравниваются» по званию «Ординарный академик» Ж.-Ф. Вовилье (конец XVIII в.) с В. К. Ернштедтом и Н. П. Кондаковым (конец XIX в.), хотя требования к подобному званию за столетие изменились. Приложения 9, 10 и 11 наводят на мысль о неких внутренних разграничениях (в тематике журналов ЖМНП, «Филологическое обозрение» и «Гермес») между исследованиями (или переводами?) «древних авторов» и «чистой филологией» (?).

Выскажем ряд других замечаний, возникших при знакомстве с текстом диссертации. Ее автор зачастую проявляет недостаточный уровень собственной рефлексии – многие выводы сводятся к тому, что та или иная сторона процесса институционализации была важна: «Императорское русское археологическое общество и Одесское общество истории и древностей внесли *весьма значимый вклад* в развитие отечественного антиковедения» (С. 186); «научные исторические общества в дореволюционной России являлись *важными элементами* организации науки» (С. 204); «участие российских ученых в конгрессах по классической археологии стало *важным шагом* в развитии этой дисциплины в самой России» (С. 236); «научные исторические общества являлись *важным элементом* институционализации антиковедения в дореволюционной России и сыграли значительную роль в его развитии» (С. 244). Хотя диссертант порой и пытается углубить мысль и пояснить, в чем же эта «важность» заключалась, следовало бы более четко отметить, на какой

именно аспект институционализации повлияло появление специализированных периодических изданий или научных обществ. Кроме того, в диссертации описательность зачастую преобладает над попытками теоретического осмысления собранного материала.

Следовало бы шире представить исторический контекст, на фоне которого происходило становление и развитие дореволюционного антиковедения. Научные институты, выделенные в диссертации, как формальные, так и неформальные, рассмотрены безотносительно к историческим событиям времени. Лишь иногда мелькают упоминания о Первой Мировой войне или студенческих волнениях. Без исторического фона не всегда возможно адекватно оценить те или иные организационные решения и процессы, затрагивавшие научное сообщество.

К сожалению, в диссертации встречаются многочисленные опечатки, неточности, упущения и стилистически неудачные выражения. Так, некоторые имена переданы с ошибками: исследователь театра Б. В. Варнке назван Варнаке (С. 48), а Т. Моммзен – Момзен (С. 93); царь Нумы Помпиллий (с. 154); «столица Птолимеев» (с. 230); «эпоха Трояна» (с. 230). Некоторые слова использованы в неправильном значении: «по всему *ареолу* античной цивилизации» (с. 118); «И.В. Помяловский отметил высокие достоинства работы и подчеркнул, что это один из первых в России опытов по систематизации и *утилизации* латинских надписей» (с. 83); «ставящими ее в какое-либо *нелицеприятное положение*» (с. 171).

Однако высказанные замечания не умаляют общей положительной оценки проведенного исследования. Диссертация Е. С. Гицевича представляет собой законченную научно-квалификационную работу, которая обладает несомненной научной новизной, вносит значительный вклад в разработку важной и актуальной темы. Работа представляет собой законченное самостоятельное исследование, имеет высокую степень апробации в докладах и публикациях автора. Автореферат отражает основное содержание диссертации.

Диссертация Е. С. Гицевича «Институционализация антиковедения в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв.» полностью соответствует требованиям п. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а Евгений Сергеевич Гицевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Отзыв подготовлен на кафедре истории Древнего мира и Средних веков ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» заведующей кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, доктором исторических наук Куш Татьяной Викторовной, доцентом кафедры истории Древнего мира и Средних веков, кандидатом исторических наук Козловым Александром Сергеевичем, доцентом кафедры истории Древнего мира и Средних веков, кандидатом исторических наук Зайцевой Евгенией Сергеевной.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры истории Древнего мира и Средних веков ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», протокол заседания кафедры № 5 от 24.01.2024 г.

Куш Татьяна Викторовна

Доктор исторических наук
(по специальности 07.00.03 –
Всеобщая история),
доцент, заведующая кафедрой
истории Древнего мира и Средних
веков

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
тел. +7(343)389 94 70,
e-mail: tkushch@yandex.ru